

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА

УДЕЛ ФИЛОСОФИИ В ПРЕДДВЕРИИ ГОСПОДСТВА ТЕХНИКИ (1)

А.Н. Павленко

Исследовательская Группа «Онтология»
Институт Философии РАН
ул. Волхонка, 14, Москва, Россия, 119991

В статье показано, что философия, после утраты ею своего доминирования как формы отношения человека к миру в 5—7 вв. н.э., последовательно становится «*служанкой религии*» (5—15 вв. н.э.), а затем «*служанкой науки*» (XVIII—XX вв. н.э.). Показано также, что кризис научной рациональности (XX в.), позволяет говорить о том, что *наука* как доминировавшая форма отношения человека к миру постепенно уступает свое господство *технике*. Проявляется это в том, что «*объем открываемой реальности*» наукой перестает удовлетворять запросам человека, уступая место «*объему конструируемой реальности*» техникой. С приходом господства техники философия неминуемо окажется в положении ее служанки. Однако в тот период, когда наука утрачивает свое господство, а техника еще в полной мере не приобрела его, у философии возникает шанс сказать свое новое слово, как это уже было в период смены господства между религией и наукой в XVIII—XVIII столетиях. В явном виде представлены три максимы: религии, науки и техники.

Ключевые слова: философия, религия, наука, техника, рациональность, открытие, конструирование.

Формулирование проблемы. Прежде чем мы обратимся к выявлению «нового шанса для философии», необходимо сделать шаг назад и спросить: что представляла собой философия в «момент» ее возникновения? Иными словами, суть обсуждаемой проблемы можно свести к трем вопросам: «Что изначально понималось под „философией“?», «Почему философия, став доминирующей формой отношения человека к миру, затем это доминирование утратила?» и «Существует ли реальный шанс для философии сказать новое слово в обозримом будущем?». Ведь получив на них ответы, мы сможем выделить существенные признаки философского знания, а затем проследить, что с ними стало на протяжении истории. Другими словами, для получения удовлетворительных ответов нам необходимо сделать краткий экскурс в историю философии.

Возникновение термина «философия». Хорошо известно, что сам термин «философия» был введен Пифагором. Дословно слово философия (ἡ φιλοσοφία) переводится на русский язык как «любовь к мудрости». Но зачем же Пифагору

понадобился этот термин, если уже до него и одновременно с ним существовали люди-мудрецы (*βί σοφοί*), которые и олицетворяли в его время знание (мудрость) о мире и человеке? Прекрасно известны их имена: Фалес, Биант, Питтак, Солон, Клеобул и др. Наблюдая за окружающим миром, они приходили к удивительным обобщениям и выводам: «Мудрее всего — время, ибо оно раскрывает все» (Фалес), «Дело умных — предвидеть беду, пока она не пришла, дело храбрых — управляться с бедой, когда она уже пришла» (Питтак), «Не спеши браться за дело, а взявшись — будь тверд» (Биант) и др.

Эти выводы, безусловно, были обобщением повседневного опыта. Нужны они были современникам мудрецов (2)? Безусловно.

Но опыт изменчив и, следовательно, с его изменением были вынуждены меняться и обобщаемые выводы. Именно эта *неустойчивость обобщений обыденного* (в своей основе — чувственного) *опыта*, видимо, и не устраивала Пифагора. Будучи математиком, он имел дело с природой таких объектов — числа, точки, линии, плоскости, фигуры и др. — которая от чувственного опыта прямо не зависит. Эти объекты имеют отношение к *опыту умственному*.

Но требования опыта умственного имеют совершенно иную природу. Главным требованием, обосновывающим их осуществимость, была и остается *непротиворечивость*. Ее выполнимость, в свою очередь, требовала соблюдения таких требований, предъявляемых к языку, как однозначность, неметафоричность, непустота обозначающего термина и т.д. Понятно, что высказывание Гераклита о том, что «в одну и ту же реку нельзя войти дважды» выглядело скорее как метафора, в сравнении, например, со строгим доказательством той же теоремы Пифагора о соотношении сторон треугольника.

Итак, именно для того, чтобы противопоставить себя (свою школу) мудрецам (*βί σοφοί*), Пифагор и вводит термин «философия». Он полагал, что следует различать *демонстративное* (обоснованное, доказательное) знание от *не демонстративного* (не обоснованного, не доказанного) знания.

Именно поэтому философия, в своей изначальной древнегреческой форме, закладывает фундамент всей европейской рациональности. Я согласен с тем, что термин «рациональность» может пониматься очень широко. Однако в нашем случае вполне допустимо дать его рабочее определение: рациональность — это *разумные* основания, способы, методы и инструменты, которые человек использует в своих взаимоотношениях с миром (природой и обществом). Понятно, что рациональность может быть *осознаваемой* и *неосознаваемой*. Понятно также, что рациональность является для европейского человека высшей ценностью просто потому, что он сам определил себя как вид *homo sapiens* («человек разумный»). Можно было бы добавить к сказанному, что рациональность (3) стала для европейского человека биологическим вектором: наибольшей выживаемостью стали обладать те и только те особи, которые наиболее рациональны (разумны) (4).

Научная рациональность. Конечно, та рациональность, которая сопровождала повседневную жизнь человека, была исключительно важна, но это была что называется «обыденная рациональность». Ее особенность заключается в том, что она

никогда не задается вопросом о том, «что такое рациональность сама по себе?», или о том, «чем отличается рациональность от нерациональности?».

Обыденная рациональность всегда «растворена» в повседневной жизни или как бы сказали сегодня, не осознана. Совсем другое дело, когда появляются люди, задающие указанные вопросы. Они рассматривают «рациональность» уже осознанно. Именно у этого типа людей «умственное» сопровождение любой человеческой деятельности становится самостоятельным предметом исследования. Умственную деятельность («рациональность») они уже рассматривают как *метод* взаимоотношения человека с миром. И именно этот тип людей подвел человечество к возникновению первой формы «науки» или, если мы используем греческое наименование, — «философии».

Если в случае с понятием «рациональность» мы обошлись рабочим определением, то определение понятия «наука» без труда может быть извлечено из авторитетного источника:

«Наука — особый вид познавательной деятельности, нацеленный на выработку объективных, системно-организованных и обоснованных знаний о мире» [5. С. 23] (5).

Легко увидеть, что из этого определения извлекаются три существенных признака науки: 1) объективность; 2) системная организованность; 3) обоснованность.

Выделив три существенных признака, попытаемся рассмотреть, что имелось в догреческом (дофилософском) знании, а что — нет?

Была ли объективность? — Да (6).

Была ли системная организованность? — Да (7).

Была ли обоснованность? — Нет.

Теперь мы видим, что именно обоснованность знания привносится Пифагором (и школами, идущими по его пути — элейской, академической, перипатетической и другими) в философию. Но что означает «обоснованность» знания? Для получения ответа на него опять обратимся к авторитетному справочнику:

«Обоснование — способ убеждения в истинности (правильности) чего-либо, например, мысли или действия.

В качестве обоснования могут быть применены обычный опыт, логическое доказательство и эксперимент» [5. С. 126].

Теперь опять рассмотрим: что было в дофилософском (догреческом) знании?

1. Был ли обыденный опыт? — Да.

2. Было ли логическое доказательство? — Нет.

3. Был ли эксперимент? — Нет.

Итак, мы видим, что философия Древней Греции впервые дает обоснованность знания с помощью «логического доказательства». Философия теперь должна не просто обобщать факты обыденного опыта, но доказывать, то есть строго выводить, используя необходимую природу логического следования, из одних истинных утверждений другие истинные утверждения (8).

Именно на необходимой природе логического доказательства и настаивал Пифагор, тем самым показывая, что утверждения греческих мудрецов хотя и цен-

ны для людей, тем не менее не являются строго доказанными. Такая система постижения мира стала доминирующей почти на целое тысячелетие. На основе философской традиции (по своей сути — *аналитической*), заложенной Пифагором, сформировалась целая культура, которая жива по сей день, но которая вынуждена была видоизменяться в зависимости от изменяющейся идеологической, социальной и политической обстановки (9).

Библейский переворот в европейской культуре. Приблизительно на рубеже V—VII вв. в европейской культуре происходит то, что сегодня можно уже смело назвать «библейским переворотом». В чем его суть? Его суть заключается в том, что Библия привносит из Азии в Европу представление о боге иудеев, *которого нельзя познать ни чувственно, ни, что более важно для нас — рационально.* Какое отношение это имеет к обсуждаемой теме? Прямое. Дело в том, что человеческий разум, в силу трансцендентной природы библейского бога, поражается в своих правах, а вместе с ним поражается и философия, и вся рациональная традиция в целом. Вот показательный пример: ветхозаветный пророк Исайя говорит: «Погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну (Исайя 29, 14)».

Следствием библейской установки был вывод о том, что человеческий разум бесполезен для постижения библейского бога (10). Антирациональную линию ветхозаветных пророков продолжают пророки новозаветные. Апостол христиан Павел прямо заявляет: 1 Кор. 2:18. «Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым». Следовательно, все те усилия по созданию стройной формы обоснования знания, идущие от Пифагора, Зенона, Платона, Аристотеля, Евклида и других, в «новой культурной обстановке» оказываются бесполезными и совершенными зря. В самом деле, если *философская обоснованность знания не ведет к спасению души*, а именно спасение души является главной целью христианина, *то она оказывается бесполезной.* Что же в этих условиях происходит с философией? Ответ нам хорошо известен: *философия становится служанкой религии на целое тысячелетие вперед.*

В этот период реализуется максима:

(I) *«Все, что не соответствует требованиям христианства (религии), является антихристианским (богопротивным) и должно быть отвергнуто».*

Из истории мы знаем, что христианское принуждение почти повсеместно принимало насильственные формы.

Неявные предпосылки переворота. Несмотря на то, что библейская традиция публично афишировала антирациональные ценности, в действительности она продвигала ценности собственные, которые хотя и поражали философскую (рациональную) традицию в своих правах, тем не менее взамен греческих ценностей вполне осознанно (то есть вполне рационально) продвигали и утверждали власть ценностей собственных. Что же это были за ценности? Перечислять все нет никакой возможности (11), поэтому назовем лишь самые главные, с точки зрения обсуждаемой темы.

Итак, библейская традиция утверждала представление о:

1) *разодушевленности мира* (античный Космос был одушевлен);

2) *universum'e (едином мире)* (античный Космос делился на надлунный и подлунный);

3) *бесконечности и всемогуществе библейского бога* (античный человек допускал существование множества богов, каждый из которых имел свою «сферу ответственности»);

4) *природе как источнике человеческого благополучия* (античный Космос был образцом для подражания и никогда не мог рассматриваться как такой источник);

5) *дозволенности experimentum'a (опытного испытания природы)* (античный космос был божественен, следовательно, такое испытание считалось бы кощунством);

6) *человеке как высшей ценности* (Высшей ценностью для античного человека являлся Космос);

7) *Линейном движении событий мира: от сотворения мира к предустановленной цели — приходу мессии (в христианстве — апокалипсису)*. (Античный человек понимал временные события длящимися циклично, ибо самое совершенное движение (Платон) — круговое.).

На утверждение власти этих ценностей ушло приблизительно одно тысячелетие. К XV—XVI в. они утвердились в европейских странах повсеместно. Как мы уже отмечали, для этого периода было характерно подавление всякой автономной мысли (12), которая не соотносилась с этими ценностями. Однако к XVI в. ситуация начинает меняться. Из семи приведенных особенностей доминирующими становятся 4, 6 и 7.

Чтобы уяснить это, мы можем построить мысленную модель, в которой примем положения 1—7 за самоочевидные. Затем допустим, что «представление о боге» само утратило силу и является *религиозным предрассудком*. Что же мы получим на горá? Мы получим удивительную картину: в ней человек оказывается высшей ценностью, которому природа отдана в обладание и которому она призвана служить источником его благ. Цель существования этого секуляризованного человека состоит в движении к некоторой конечной цели — земному благополучию (земному раю). Очевидно, что мы имеем перед собой *теорию прогресса*.

Однако для реализации этого проекта не хватало одной существенной компоненты. Ведь для спасения души требовалась *вера*, а для извлечения из природы «земных благ» требуется *греческая рациональность*. И что же мы видим? Наступает эпоха Возрождения, а в качестве ее идеологии утверждается «гуманизм» (XV—XVI вв.).

Действительно, *эпохе гуманизма удалось создать симбиоз греческой философской рациональности и библейской стратегии покорения природы* (13). Если в эпоху средневековья рациональные методы, и прежде всего математика, считались вторичными, ибо владение их инструментарием не вело к спасению души, то в эпоху гуманизма ситуация радикально меняется. Математика признается языком, на котором написана «книга природы».

И что же мы видим в результате? На основе этого симбиоза возникает новый феномен — «новоевропейская наука», которая берет на себя миссию исполнителя «светского эсхатологического проекта». *Наука берется реализовать прогресс, то есть сделать жизнь человека счастливой и благополучной.* Чтобы это утверждение не казалось голословным, приведу в качестве показательного примера научный проект Рене Декарта: «Однако, как только я приобрел некоторые общие понятия относительно физики и заметил, испытывая их в различных трудных частных случаях, как далеко они могут вести и насколько они отличаются от принципов, которыми пользовались до сих пор, я решил, что не могу их скрывать, не греша сильно против закона, который обязывает нас по мере сил наших действовать общему благу всех людей. Эти основные понятия показали мне, что можно достичь знаний, весьма полезных для жизни, и что вместо умозрительной философии, преподаваемой в школах, можно создать практическую, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех прочих окружающих нас тел, так же отчетливо, как мы знаем различные ремесла наших мастеров, мы могли бы, как и они, использовать и эти силы во всех свойственных им применениях *и стать, таким образом, как бы господами и владельцами природы* (курсив мой — А.П.)» [6. С. 286]. Как видим, в словах Декарта в точности повторяется установка Ветхого Завета, выраженная в гл. 1 книги «Бытие»: «1.26. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всею землею...».

Главный результат эпохи Возрождения для философии. Итак, сейчас мы можем зафиксировать основной промежуточный результат, который предвещает главный вывод статьи: между концом эпохи господства религиозной традиции, когда философия выполняла роль «служанки богословия», и началом эпохи господства научной традиции *возникает временной зазор.* Этот зазор характеризуется тем, что власть старой формы ослабла, а власть новой еще не достигла своего могущества.

Главное в этом зазоре, касательно обсуждаемой темы, сводится к тому, что у философии впервые со времен античности возник шанс сказать свое новое слово. И философия это сделала.

Именно в этот период (с XVII по XVIII столетия) мы обнаруживаем бурный всплеск новых идей. Здесь и имена крупнейших континентальных философов: Рене Декарт (1596—1650), Бенедикт Спиноза (1632—1677), Готфрид В. Лейбниц (1646—1716), и имена крупнейших островных философов: Френсис Бэкон (1561—1626), Томас Гоббс (1588—1679), Джон Локк (1632—1704), Джорж Беркли (1685—1753).

Следует признать, что с ростом влияния новоевропейской науки, например, в XVIII в., философия, во-первых, становится все более материалистической, а с другой стороны, все более начинает характеризоваться такими чертами, как *скептицизм* и *критицизм*. В этом смысле начинает чувствоваться дыхание наступающего господства науки. Критическая и скептическая философия представлена в этот период именами Д. Юма (1711—1776) и И. Канта (1724—1804). Мате-

риализм представлен именами Вольтера (1694—1778), Ж.-Ж. Руссо (1712—1778), Д. Дидро (1713—1784), К.А. Гельвеция (1715—1771) и А. Гольбаха (1723—1789).

Легко увидеть, что XVIII в. по своей интеллектуальной яркости заметно уступает веку XVII. Как мы уже отметили, причиной этого становится утверждение власти науки, научного мировоззрения в целом. Именно в этот период (XVII—XVIII вв.) в Европе происходит *научный переворот*.

Главные достижения этого переворота можно свести к следующим положениям:

1) *математика* (вообще точные формальные методы) *становится основным языком теоретического описания природы*;

2) *экспериментально полученные данные о существенных свойствах природных объектов и процессов становятся эмпирическим остовом науки*;

3) *главным методом новоевропейской науки становится открытие сил и законов природы и дальнейшее их использование во благо человека*.

Именно в этот период (к концу XVIII в.) наука, располагая указанным инструментарием, становится господствующей формой отношения человека к миру. Это проявляется не только в ее выдающихся достижениях, но и в идущем полным ходом процессе ее институционализации.

Главным же следствием из достигнутого господства оказывается максима:

(II) *«Все, что не соответствует требованиям науки — является ненаучным (метафизическим) и должно быть отвергнуто»*.

Понятно, что в этих новых условиях философия, как не имеющая доступа к экспериментальному методу и не использующая математический (формальный) аппарат, оказывается лишенной права делать вообще какие-либо осмысленные утверждения о природе. Именно это последнее утверждение и становится определяющим следствием научного переворота для философии. Можно уверенно утверждать, что этот пункт состояния философии и ее отношения к науке имеет четкую временную датировку: 1842 г. — это год выхода «Курса позитивной философии» Огюста Конта. Другим не менее печальным следствием становится то обстоятельство, что философия становится буквально *служанкой науки*. Теперь философия начинает выполнять по отношению к науке служебные (вспомогательные) функции: анализирует понятия науки, уточняет их, занимается анализом научных методов, анализирует рост (динамику) научного знания и т.д.

Можно смело сказать, что весь XIX и первая половина XX в. были периодом безусловного торжества науки: создание теории электромагнетизма дало человечеству новый источник энергии — электричество; создание релятивистской теории и теории строения вещества — атомную энергию. Этот перечень достижений науки можно продолжать и далее.

Наука, взявшаяся реализовать прогрессивный проект, — «обретение земного рая» — достигла колоссальных результатов, однако сделать человека окончательно счастливым ей так и не удалось. Ведь вместе с благами цивилизации наука привнесла с собой и огромное множество ее бед. Люди, особенно те, которые сами не являются учеными, попросту верили в «науку» и верили ее обещаниям. И эта

вера в значительной мере напоминала ту, которая сопровождала деятельность жрецов и священников в эпоху доминирования религии. Ученые выступали как те же жрецы, сохраняя за собой монопольное право на объяснение мира. Те же, кто не понимал соответствующего языка научных теорий, оказывались простыми «профанами» (14).

Однако вера в безусловное торжество новоевропейской науки как института и научной новоевропейской рациональности как ее основы была подорвана вопросами, которые с полным правом можно назвать философскими: «Какова природа объектов науки (например, математических)?»; «Какова природа законов, открываемых наукой (например, физических)?»; «Является ли само научное знание обоснованным или все его положения — суть конвенции, которые мы принимаем на договорной основе?». Список этих вопросов можно было бы продолжить и далее.

Недостаточность и неудовлетворительность такого обоснования, которые начинают обнаруживать себя приблизительно с конца XIX столетия и в особенности — в начале XX-го, заложили основы того процесса, который позднее получит название «кризис научной рациональности». Мы легко можем увидеть подтверждение этому уже в названиях самих философских трудов, отобразивших этот процесс: «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (Э. Гуссерль, 1936); «Прощай, разум» (П. Фейерабенд, 1987); «Рациональность на перепутье» (1999). Свообразным апофеозом разрушения научной рациональности можно считать появление постмодернизма во второй половине XX-го столетия.

Однако если мы внимательно присмотримся к этому кризису научной рациональности, то будем вынуждены признать его гораздо большую сложность, чем просто «кризис оснований». Для того, чтобы рельефнее представить эту сложность, воспроизведем еще раз одну из существенных характеристик науки, ее главный метод: *открытие сил и законов природы и дальнейшее их использование во благо человека*. Ведь именно лидерство науки в использовании этого метода, в сравнении с другими формами знания, обеспечивало ей господство над этими формами!

А теперь зададим неожиданный вопрос: что начинает происходить с методом науки во второй половине XX-го столетия и первых десятилетиях XXI-го? Ответ очевиден: *современная наука все меньше открывает и все больше конструирует* (15). Подтверждением этой тенденции могут служить такие феномены, как появление «Стадии эмпирической невесомости теории», новые программы типа НБИКС и др. Все это позволяет говорить о том, что в современном нам мире наука утрачивает свое господство.

На место лидера во взаимоотношении человека и реальности претендует новая форма — техника! Хочет наука того или нет, но она, равно как и другие формы (философия и религия), вынуждена подстраиваться под нового лидера — обеспечивать осуществимость ее главного метода. И в самом деле, если повзрослевшему человечеству, выросшему на открытиях науки, становится недостаточно тех законов и источников энергии, которые обеспечила наука, то оно просто

вынуждено, для собственного сохранения, создавать и конструировать новые. Более того, человек теперь и себя рассматривает как источник новых благ и нового процветания (16). В чем же заключен главный результат произошедших изменений? Он заключается в том, что:

1) *техника становится господствующей формой отношения человека к миру;*

2) главным методом такого отношения становится *конструирование новой природы* или просто — *переконструирование существующей природы* (redesigning of nature) — и дальнейшее ее использование во благо человека;

3) главным следствием произошедших изменений становится максима:

(III) *«Все, что не соответствует требованиям техники — является не техничным (не эффективным) и должно быть отвергнуто».*

Отсюда естественным образом следует, что и философия, и религия, и наука приобретают в отношении к технике подчиненное положение: *они все призваны служить технике как доминирующему способу отношения человека к миру.*

Из всего сказанного уже в третий раз следует печальный вывод в отношении философии: *философия вновь вынуждена будет стать служанкой. На этот раз — техники.*

Однако за этим печальным выводом для философии открывается и перспектива: *мы живем в один из самых благоприятных периодов для философии, после утраты ею господствующего положения в 5—7 вв. н.э., то есть в ее постгреческом существовании.* Особенность этого периода в том, что *безраздельное господство науки как института и мировоззрения ослабевает, а господство техники безраздельным еще не стало!*

Именно этот вывод дает мне силы предположить, что перед философией открывается новый шанс: ее ждут благословенные годы — пусть и не очень продолжительные — нового расцвета!

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В основу статьи положен одноименный доклад, прочитанный в Нижегородском педагогическом университете 28 мая 2014 г. Впервые идея, изложенная в докладе, была публично высказана на конференции «Наука, философия, религия», проходившая в 2009 г. в подмосковной Дубне.
- (2) Мудрец по-гречески — ὁ σοφός (софос). Часто их в Греции называли «софистами» — *мудрецами* или, с некоторой долей иронии — *«умниками»*.
- (3) Здесь будет излишним учитывать кантовское различие «ума» и «рассудка».
- (4) Например, носить два ведра воды в руках от реки до дома можно, но не рационально. Для облегчения этой процедуры было изобретено коромысло, которое так распределяет нагрузку веса содержимого ведер на организм человека, что мышцы рук оказываются освобожденными, а сама нагрузка равномерно распределяется на весь корпус и позвоночник несущего. Безусловно, изобретатель коромысла был рациональным человеком, хотя и не владел знанием механики.
- (5) Данная статья написана В.С. Стёпиным.
- (6) Например, вавилонские астрономические таблицы объективно отображали вполне точное (для того времени) угловое расположение светил на небесном своде [3].

- (7) Существование философских школ в Древней Греции прямо говорит об имевшейся институционализации. Аналогичным образом мы обнаруживаем касты «ученых» — жрецов в Древних царствах Вавилона и Египта. См.: [2].
- (8) Смотрите по этому вопросу [9].
- (9) Смотрите по это поводу более подробно [7. Гл. 1; 9. Гл. 1].
- (10) Достаточно посмотреть первое послание к Коринфянам апостола христиан Павла: 1 Кор. 1:20 «Где мудрость? Где книжник? Где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? (Исайя 33, 18)».
- (11) Подробно все эти ценности анализируются в работе [9].
- (12) Ярким примером такого подавления может служить факт насильственного разгона платоновской Академии в 529 г. христианским императором Юстинианом. Этот разгон был, безусловно, *гуманитарной катастрофой* для человечества в VI в. н.э. Между прочим, церковь за это действие до сих пор не принесла извинения.
- (13) Еще в 1997 г. [7. С. 139] я прямо указывал на то, что Возрождение Античности не состоялось именно потому, что античные рациональные ценности прививались к совершенно чуждому им стволу — ценностям библейским.
- (14) Даже сегодня абсолютное большинство людей, пользующееся электронными средствами коммуникации, не понимает принципы их устройства и принципы их действия. В этих условиях возникает новый антропологический феномен — «цивилизьяна» [10. С. 174].
- (15) Более обстоятельно эта особенность техники рассмотрена в работе [10].
- (16) В работе [8] предложены два аргумента относительно возможности создания «искусственного человека». Один аргумент — «за» возможность такого создания, другой аргумент «против». Что будет реализовано в действительности, сказать сегодня исключительно трудно. Например, ни один летательный аппарат, созданный человеком, хотя его конструирование и начиналось с подражания «полету птицы», не является ни «копией самой птицы», ни копией «принципа ее полета», Так называемые «махолеты» давно ушли в прошлое. По-видимому, то же самое мы получим и в области создания *анантропа*.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Библия.
- [2] Ван дер Варден Б.Л. Пробуждающаяся наука. Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Комкнига, 2007.
- [3] Ван дер Варден Б.Л. Пробуждающаяся наука II. Рождение астрономии. М.: Наука, 1991.
- [4] Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная Феноменология. Введение в феноменологическую философию / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2004.
- [5] Новая философская энциклопедия в четырех томах. М.: Мысль, 2001. Т. 3.
- [6] Декарт Р. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1989. Т. 1.
- [7] Павленко А.Н. Европейская космология: основания эпистемологического поворота. М.: ИНТРАДА, 1997.
- [8] Павленко А.Н. Экологический кризис как псевдопроблема // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 66—79.
- [9] Павленко А. Теория и театр. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006.
- [10] Павленко А. Возможность техники. СПб., 2010.
- [11] Рациональность на перепутье. М.: РОССПЭН, 1999. В 2-х кн.
- [12] Фейерабенд П. Прощай разум / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ: Астрель, 2010.

DESTINY OF PHILOSOPHY IN ANTICIPATION OF DOMINATION OF EQUIPMENT

A.N. Pavlenko

Research Group "Ontologiya"
Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences
Volhonka str., 14, Moscow, Russia, 119991

The article shows that philosophy, after losing out its dominance as a form of man's relationship to the world in the 5—7 centuries AD, consistently becomes "a handmaiden of religion" (5—15 AD), and then "handmaiden of science" (18—20 centuries AD). It is also shown that the crisis of scientific rationality (20th century), suggests that science, as the dominated form of man's relationship to the world, is gradually giving their dominance to Technology. This process is manifested in the fact that "the volume of discovered reality" by science ceases to satisfy the needs of man, gives a way to "the volume of the constructed reality" by technology. With the advent of the dominance of technology, philosophy will inevitably come in the position of its maid. However, in a time when science is losing its dominance, and the technology has not been fully acquired it — there is a chance for philosophy to say its new word, as it has been during the change of dominance between religion and science in the 16—18 centuries. In paper presented explicitly three maxims of the religion, science and technology.

Key words: philosophy, religion, science, technology, rationality, construction.

REFERENCE

- [1] Biblija.
- [2] Van der Varden B.L. Probuzhdajushhajasja nauka. Matematika Drevnego Egipta, Vavilona i Grecii. Izd. 3-e, stereotipnoe. M.: Komkniga, 2007.
- [3] Van der Varden B.L. Probuzhdajushhajasja nauka II. Rozhdenie astronomii. M.: Nauka, 1991.
- [4] Gusserl' Je. Krizis evropejskih nauk i transcendental'naja Fenomenologija. Vvedenie v fenomenologicheskiju filosofiju. Per. s nem. D.V. Skljadneva. SPb.: Vladimir Dal', 2004.
- [5] Novaja filosofskaja jenciklopedija v chetyreh tomah. M.: Mysl', 2001, T. 3.
- [6] Dekart R. Sochinenija v dvuh tomah. M.: Mysl', 1989. T. 1.
- [7] Pavlenko A.N. Evropejskaja kosmologija: osnovanija jepistemologicheskogo povorota. M.: INTRADA, 1997.
- [8] Pavlenko A.N. Jekologicheskij krizis kak psevdoproblema // Voprosy filosofii. 2002. № 7. S. 66—79.
- [9] Pavlenko A. Teorija i teatr. SPb., Izdatel'stvo SPbGU, 2006.
- [10] Pavlenko A. Vozmozhnost' tehniki, S.P. g., 2010.
- [11] Racional'nost' na pereput'e, M. ROSSPJeN, 1999, V 2-h knigah.
- [12] Fejerabend P. Proshhaj razum, Per. s angl. A.L. Nikiforova. M.: ACT: Astrel', 2010.